

Научная статья
УДК 343.1
DOI 10.33184/pravgos-2023.2.12

Original article

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия;
e-mail: iliadikarev@volsu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University, Volgograd, Russia.

АНОМАЛИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

ANOMALIES OF THE LEGAL STATUS OF THE INQUIRY BODIES

Аннотация. Особенностью правового положения органов дознания является отсутствие у них единого процессуального статуса: одни обладают всей полнотой полномочий (по производству предварительного расследования в форме дознания, производству неотложных следственных действий и исполнению различных поручений органов предварительного расследования и прокурора), другие пользуются только некоторыми из них. Отдельные полномочия реализуются органами дознания за пределами уголовно-процессуальной деятельности, что ставит под вопрос правомерность отнесения таких органов к числу участников уголовного процесса. Неоднозначным является и отнесение всех органов дознания к стороне обвинения, ведь реализация некоторых полномочий с осуществлением уголовного преследования не связана. Нуждается в объяснении также качественное различие органов дознания, выражающееся в том, что в одних случаях таковыми являются коллективные субъекты, а в других – отдельные должностные лица. Цель исследования состоит в объяснении аномалий правового положения органов дознания, для чего требуется решение комплекса задач: определение круга полномочий, реализация которых не связана с участием органов дознания в уголовном процессе; выяснение процессуальной функции органов дознания, выполняющих в рамках уголовно-процессуальной деятельности поручения органов предварительного расследования и прокурора; объяснение возложения полномочий органа дознания как на государственные органы, обладающие внутренней организацией, так и на отдельных должностных лиц. Методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы, прежде всего логико-юридический, историко-правовой и юридической интерпретации. Результаты: проведенное исследование показало, что понятием «органы дознания» охватываются не только разные участники уголовного процесса (выполняющие различные процессуальные функции), но также

Abstract. A feature of the legal status of the inquiry bodies is that they have no uniform procedural status: some have full powers (for the conduct of preliminary investigations in the form of initial inquiries, urgent investigative actions and execution of various instructions from the preliminary investigation bodies and the prosecutor), while others use only some of them. Certain powers are exercised by the inquiry bodies outside the scope of criminal procedure, which calls into question the legality of classifying such bodies as participants in criminal proceedings. The attribution of all inquiry bodies to the prosecution is ambiguous, as the exercise of some powers is not linked to the prosecution. The qualitative difference between the inquiry bodies needs to be explained, which is expressed in the fact that in some cases they are collective entities, and in other cases they are individual officials. The purpose of the study is to explain the anomalies of the legal status of the inquiry bodies, which requires the solution of a set of tasks: defining the terms of reference, the exercise of which is not connected with the participation of the inquiry bodies in criminal proceedings; determining the procedural function of the inquiry bodies which perform within the framework of criminal procedure, the instructions of the preliminary investigation bodies and the prosecutor; explaining the attribution of the powers of the inquiry body to both state bodies with internal organization, and to individual officials. The methodological basis of the study is the dialectical method. General scientific methods of analysis, synthesis and a systematic approach are used, as well as special legal methods such as logical, legal, historical and the method of legal interpretation. Results: the study shows that the concept of «inquiry bodies» covers not only different participants in criminal proceedings (performing different procedural functions), but also subjects which are not participants in criminal proceedings. In particular, the inquiry bodies that carry out orders for the conduct of certain

субъекты, участниками уголовного процесса не являющиеся. В частности, органы дознания, выполняющие поручения о производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, заключении под стражу, приводе и др., реализуют функцию содействия уголовному судопроизводству. В этой связи сделан вывод об ошибочности отнесения законом всех органов дознания к стороне обвинения.

Ключевые слова: дознание, орган дознания, неотложные следственные действия, сторона обвинения

Для цитирования: Дикарев И.С. Аномалии правового положения органов дознания / И.С. Дикарев. – DOI 10.33184/pravgos-2023.2.12 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 1. – С. 97–104.

investigative actions, the execution of orders for detention, remand in custody, arrest, etc. perform the function of facilitating criminal proceedings. In this regard, it is concluded that the law incorrectly attributes all inquiry bodies to the prosecution.

Keywords: inquiry, inquiry body, urgent investigative actions, prosecution

For citation: Dikarev I.S. Anomalies of the legal status of the inquiry bodies. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 1, pp.97–104 (In Russian). DOI10.33184/pravgos-2023.2.12.

ВВЕДЕНИЕ

Органы дознания наделены в уголовном процессе полномочиями по производству предварительного расследования в форме дознания, производству неотложных следственных действий и исполнению различных поручений органов предварительного расследования и прокурора. Отличие органов дознания от других участников уголовного-процессуальной деятельности заключается в *отсутствии у них единого процессуального статуса: объем полномочий варьируется в зависимости от того, какой именно орган или какое должностное лицо выступает в этом качестве*. Именно поэтому общий перечень органов дознания, приведенный в ч. 1 ст. 40 УПК РФ, приходится дополнять за счет указания на органы, в штате которых состоят дознаватели (ч. 3 ст. 151 УПК РФ), а также за счет должностных лиц, уполномоченных на производство неотложных следственных действий (ч. 3 ст. 40, п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ). Только органы внутренних дел и таможенные органы обладают всей полнотой полномочий органов дознания (то есть вправе и расследовать уголовные дела в форме дознания, и производить неотложные следственные действия, и исполнять поручения). Остальные же органы дознания вправе реализовать только отдельные полномочия (например, органы принудительного исполнения вправе только проводить расследование в форме дознания, а органы Федеральной службы безопасности – только производить неотложные следственные действия и исполнять поручения органов расследования). Именно этой особенностью

правового положения органов дознания объясняется принятый в теории процессуального права подход, согласно которому для обладания статусом органа дознания не обязательно быть носителем всех его процессуальных полномочий, а достаточно осуществлять лишь часть из них [1, с. 33].

Понятно, что в таких условиях выработка общего для всех органов дознания определения превращается в неразрешимую проблему, вследствие чего и законодатель (п. 24 ст. 5 УПК РФ), и ученые, занимающиеся соответствующей проблематикой [2, с. 8–9; 3, с. 11; 4, с. 85 и др.], вынуждены определять органы дознания через перечисление их полномочий.

Отсутствие единого процессуального статуса далеко не единственная аномалия правового положения органов дознания. Так, например, п. 1 ст. 40 УПК РФ относит к ним органы исполнительной власти, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Понятно, что исполнение поручений следователя или дознавателя о производстве оперативно-розыскных мероприятий совпадает с досудебным производством лишь по времени. По своей же правовой природе эта деятельность не имеет уголовно-процессуального характера и осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством об оперативно-розыскной деятельности. Другим примером выполнения органом дознания полномочий за пределами уголовного судопроизводства является предусмотренный ч. 1 ст. 210 УПК РФ розыск подозреваемого или обвиняемого, осуществляемый по поручению следователя в период приостановления предварительного следствия. В этой связи законо-

мерно возникают сомнения в наличии у таких органов уголовно-процессуального статуса, ведь непосредственного участия в уголовном процессе они не принимают, а значит, нет оснований признавать их его участниками. Соответственно, можно констатировать еще одну аномалию правового положения органа дознания: *придание законом процессуального статуса субъектам, реализующим свои полномочия за рамками уголовно-процессуальной деятельности*. Понятно, что, не будучи участниками уголовного процесса, такие органы дознания не могут выполнять какую-либо уголовно-процессуальную функцию, в связи с чем встает вопрос обоснованности отнесения всех органов дознания к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Без объяснения свойственных правовому положению органов дознания аномалий преодолеть неопределенность в понимании сущности и места этих субъектов в уголовном судопроизводстве невозможно. Однако было бы глубоким заблуждением считать, что причины сложившегося положения обусловлены исключительно несовершенством действующего законодательства. Значительная часть положений современного закона, относящихся к деятельности органов дознания, сохраняет регламентацию, которая сформировалась еще в середине XIX столетия. В силу своего реликтового характера эти нормы не всегда вписываются в ткань современного уголовного судопроизводства и порой противоречат догматам актуальной доктрины процессуального права.

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Концепт дознания, ставший прообразом всех последующих форм участия полицейских органов в уголовном процессе, сформировался в ходе Судебной реформы 1860-х годов. До этого момента все предварительное следствие находилось в руках полиции, а потому провести четкую грань между дознанием и следствием было невозможно: полиция для решения стоящих перед ней задач использовала весь доступный ей на тот период функционал. Стремление законодателя в период реформы уголовного судопроизводства следовать принципу разделения властей выразилось в отделении процессуального сегмента деятельности от полицейского путем передачи предварительного следствия в руки су-

дебных следователей, являвшихся представителями судебной власти. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г.¹ провозглашало отделение следственной части от полиции (ст. 1), оставляя за последней только исследование преступлений и проступков, суждение по которым относилось к компетенции самой полиции, а по преступлениям, подлежащим рассмотрению судебных мест, – производство *первоначального дознания* (ст. 2). При этом дознание регламентировалось Наказом полиции от 8 июня 1860 г. «О производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок»², в котором были намечены основные контуры порядка, нашедшего впоследствии закрепление в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС).

УУС предписывал полиции сообщать судебному следователю и прокурору о каждом происшествии, заключавшем в себе признаки преступления (ст. 250). Если признаки преступления вызывали сомнения, либо если о происшествии полиция узнавала по слуху или из иного сомнительного источника, то прежде сообщения о том судебному следователю она должна была посредством дознания удостоверить, действительно ли происшествие то случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления (ст. 253).

Несмотря на тесную связь дознания с предварительным следствием, оно не являлось стадией уголовного процесса, не составляло его обязательной части. Дело в том, что законные поводы к началу предварительного следствия не ограничивались сообщениями полиции, но включали в себя также объявления частных лиц, явку с повинной, возбуждение дела прокурором и даже непосредственное усмотрение самого судебного следователя (ст. 297). Соответственно, дознание предшествовало предварительному следствию только тогда, когда поводом к его началу было сообщение полиции. Во всех остальных случаях уголовное преследование возбуждалось без производства дознания.

По сути, дознание производилось только для того, чтобы полицейский чиновник мог решить: передавать или не передавать следователю полученное им сообщение

1 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXV. Отд. I. Ст. 35890.

2 Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок // Журнал Министерства юстиции. 1860. Т. V, кн. 7. С. 49–54.

о происшествии. Как отмечали составители Судебных уставов, полиция должна была сперва сама удостовериться в справедливости того, о чем доносит, дабы не сообщать следователю неверных сведений³. Если проводить аналогии с нынешней деятельностью правоохранительных органов, то можно сказать, что дознание тогда было тем же, чем является ныне непроцессуальная деятельность оперативного сотрудника, предшествующая составлению им рапорта об обнаружении признаков преступления.

Важно отметить, что дознание, предназначенное для предварительной проверки полицией полученного сообщения о преступлении, носило тот же характер и осуществлялось во многом теми же средствами, что и современная оперативно-розыскная деятельность. Согласно ст. 254 УУС, производя дознание, полиция все нужные ей сведения собирала посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением. В юридической литературе тех лет подчеркивалось отличие дознания от процессуальной деятельности, заключавшееся в том, что оно «не обставлено никакими формальностями, не имеет судебного характера и всегда должно быть производством тайным» [5, с. 317], а в ст. 312 УУС дознание прямо именовалось негласным полицейским разведыванием. Упоминаемые в ст. 254 УУС розыски представляли собой меры удостоверения полиции в искомом происшествии [6, с. 364]: осмотры местности, предметов, словесные расспросы и негласное наблюдение, то есть все то, что в современном законодательстве называется оперативно-розыскными мероприятиями.

Начав предварительное следствие, судебный следователь был вправе давать поручения полиции. А поскольку эта самая полиция ранее выступала в качестве органа дознания (именно от нее судебный следователь получал добытое в ходе дознания «производство»), то в последующем, давая поручения и указания полиции, судебный следователь обращался все к тому же органу дознания. Этим была заложена сохранившаяся по сей день терминологическая традиция, выражающаяся в именовании органами дознания должностных лиц, исполняющих поручения органов пред-

варительного расследования о розыске подозреваемого, обвиняемого (ч. 1 ст. 210 УПК РФ), проведении розыскных действий (ч. 1 ст. 152 УПК РФ) и оперативно-розыскных мероприятий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Таким образом, как именованное органами дознания должностных лиц, выполняющих за рамками уголовно-процессуальной деятельности поручения, связанные с осуществлением оперативно-розыскной деятельности, так и возложение на них соответствующих обязанностей в уголовно-процессуальном законе – это продолжение сформировавшейся еще в период Судебной реформы 1864 г. традиции. Сам по себе такой подход, весьма уязвимый с позиций чистоты предмета правового регулирования, является вынужденным и обусловлен практической целесообразностью. Совершенно очевидно, что законодатель регламентирует полномочия органов предварительного расследования давать поручения органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий именно в процессуальном законе, поскольку иное порождало бы серьезные неудобства для правоприменителя.

Другое дело, что возложение уголовно-процессуальным законом на те или иные органы полномочий, реализуемых в иной отраслевой сфере, вовсе не влечет приобретения этими органами статуса участников уголовного процесса. Так что в данном случае «орган дознания» – это не наименование участника уголовного процесса, а обобщенный термин, используемый законодателем лишь для того, чтобы обозначить государственные органы, к которым следователь и дознаватель могут обращаться с соответствующими поручениями. Не осуществляя уголовно-процессуальную деятельность, такие органы не реализуют никаких процессуальных функций (ведь таковыми признаются компоненты уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 4]), в том числе и приписываемую им законодателем функцию уголовного преследования.

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ КАК ИНЫЕ УЧАСТНИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Некоторые поручения следователя или дознавателя органы дознания выполняют в орбите уголовно-процессуальных отношений, тем самым принимая непосредственное участие в уголовном судопроизводстве. Это относится к поручениям о производстве

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ч. 2. С. 115.

отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании, заключении под стражу, приводе, производстве иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ), об оказании содействия при их осуществлении (п. 6 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ), в том числе об организации участия в следственном действии лица, участие которого в данном следственном действии признано необходимым (п. 5 ч. 2 ст. 38, п. 1.3 ч. 3 ст. 41, ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ). В этой связи встает вопрос о процессуальной функции, реализуемой органом дознания в ходе осуществления такой деятельности. Рассматривать ее как уголовное преследование только потому, что она осуществляется по поручению стороны обвинения, представляется ошибочным. Ведь постановление о назначении судебной экспертизы тоже является своеобразным поручением, даваемым органом предварительного расследования судебному эксперту, однако исполнение такого поручения не ставит судебного эксперта в положение обвинителя.

Определение процессуальной функции, реализуемой в данном случае органом дознания, целесообразно проводить на основе выделенной В.М. Бозровым категории функционального интереса, который можно представить в виде побудительных сил, влияющих на возникновение и развитие процессуальных функций. Предметно-специальный интерес функции уголовного преследования состоит в установлении и изобличении конкретного лица, совершившего преступление [8, с. 85, 89]. В отличие от органа предварительного расследования, побудительной силой деятельности которого является стремление раскрыть преступление и изобличить виновное в его совершении лицо, орган дознания решает более узкую задачу. Для него побудительной силой является обязанность исполнить поручение о производстве или об оказании содействия в производстве конкретного процессуального действия. За пределы этого поручения устремления органа дознания не выходят.

Сказанное приводит к выводу, что процессуальная функция органа дознания при реализации рассматриваемых полномочий полностью исчерпывается в тот момент, когда он надлежащим образом исполнил данное ему поручение. А раз так, то орган дознания, привлекаемый к участию в уголовно-процессуальной деятельности для исполнения такого рода поручений, следует относить к иным

участникам уголовного процесса, а его функцию определять как содействие уголовному судопроизводству (содействие правосудию).

ОРГАНЫ ДОЗНАНИЯ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ФУНКЦИЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Что же касается органов дознания, которые проводят по поручению прокурора проверку распространенного в средствах массовой информации сообщения о преступлении (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), то они, несомненно, относятся к стороне обвинения, поскольку выполняют процессуальную деятельность органа предварительного расследования. То же самое следует сказать и об органах дознания, вступающих в уголовно-процессуальные отношения в связи с производством неотложных следственных действий в порядке ст. 157 УПК РФ.

При производстве неотложных следственных действий проявляется еще одна аномалия, заключающаяся в *качественных различиях субъектов, выступающих в качестве органов дознания*. Вразрез с общим правилом, в силу которого в качестве органов дознания выступают государственные органы, имеющие внутреннюю организацию и представляющие собой коллектив находящихся в отношениях соподчиненности должностных лиц (например, орган внутренних дел), производство неотложных следственных действий закон поручает «физическим» должностным лицам (например, командирам воинских частей, капитанам морских и речных судов, главам дипломатических представительств и др.). Отмахнуться от этой аномалии, заявив, как это делают некоторые авторы, что должностные лица, указанные в ч. 3 ст. 40 УПК РФ, не относятся к органам дознания [9, с. 10–11], не получится. Это противоречит принятому в науке подходу, согласно которому для обладания статусом органа дознания достаточно осуществлять любое из присущих ему полномочий (об этом было сказано выше). Однако объяснение у этой аномалии есть, и его не сложно обнаружить, обратившись к истокам института производства неотложных следственных действий.

Исторически возложение производства дознания на полицию было обусловлено фактически сложившейся организацией правоохранительной деятельности. В этой системе полиции изначально отводилась роль органа, на котором лежит обязанность блюсти интересы

общественного спокойствия и безопасности, предупреждать, препятствовать и пресекать их нарушение [10, с. 508]. Исполнение таких функций предполагало особую организацию полиции, состоявшей из массы чинов, всюду рассеянных, имеющей множество агентов и, следовательно, средств к добыванию сведений, необходимых судебной власти. Соответственно, именно полиция имела наибольшие возможности первой получать сведения о совершившихся преступлениях, быстро находить указания, могущие раскрыть преступления и виновников их, и быстро действовать в тех случаях, когда промедление могло бы стать препятствием для судебной деятельности [11, с. 6–7].

Такое положение дел, к слову, актуальное и в наши дни, повлекло возложение на полицию еще одной обязанности, тесная связь которой с предварительным следствием обусловила ее регламентацию в уголовно-процессуальном законодательстве. Согласно ст. 256 УУС полиция была обязана до прибытия судебного следователя на место происшествия предпринять меры, необходимые для того, чтобы предупредить уничтожение следов преступления и лишить подозреваемого возможности уклоняться от следствия. Однако принятия полицией мер, направленных только на сохранение следов преступления, могло оказаться недостаточно для раскрытия и успешного расследования преступления. Поэтому УУС предусматривал, что в случаях, когда полиция застигала совершающееся или только что совершившееся преступление, а равно когда до прибытия судебного следователя на место происшествия следы преступления могли изгладиться, полиция заменяла судебного следователя, производя вместо него все следственные действия, не терпящие отлагательства (исключение составляли формальные допросы, которые полицейские чины могли производить только при наличии предусмотренных законом условий – ст. 258). При этом уголовно-процессуальный закон обязывал полицию при производстве следственных действий в точности соблюдать правила, постановленные для предварительного следствия (ст. 259).

Такая процессуальная деятельность охватывалась понятием дознания, подтверждением чему служит то обстоятельство, что возможность производства следственных действий полицией в тех случаях, когда имелись основания опасаться уничтожения доказа-

тельств, изначально была предусмотрена Наказом полиции от 8 июня 1860 г. «О производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок». Из самого названия этого нормативного акта следовало, что вся регламентировавшаяся им деятельность (включая производство не терпящих отлагательства следственных действий) рассматривалась законодателем как дознание.

В современном уголовно-процессуальном праве аналогичная по содержанию и назначению процедура получила закрепление в ст. 157 УПК РФ. В советский период закон назвал ее деятельностью органов дознания по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (ст. 119 УПК РСФСР), а ученые-процессуалисты единодушно рассматривали ее как разновидность дознания [12, с. 70; 13, с. 30].

Уже в период действия УУС проявляется тенденция наделяния полномочиями по производству дознания, включая производство следственных действий, не терпящих отлагательства, иных, помимо полиции, субъектов правоприменительной деятельности. Такое положение объяснялось углублением специализации правоохранительных органов, выражавшейся в закреплении за некоторыми из них компетенции производить дознание по отдельным категориям уголовных дел. Так, обнаружение и первоначальное исследование проступков и преступлений военнослужащих было отнесено к компетенции военного начальства, которое при этом пользовалось всеми полномочиями полиции по производству дознания (ст. 1237 УУС). В казачьих войсках дознание производились станичными и хуторскими атаманами⁴. По делам о политических преступлениях производство дознания входило в компетенцию офицеров корпуса жандармов. Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений, утвержденные 19 мая 1871 г.⁵, предусматривали право производящих дознание чинов предпринимать все указанные в ст. 253–256, 257 УУС меры, а также производить не терпящие отлагательства следст-

4 Устав уголовного судопроизводства. Издание 1914 года со всеми позднейшими узаконениями и с объяснением по решениям Уголов.-Кас. Деп. Правительствующего Сената по 1916 год / сост. Д.А. Каплан. 2-е изд., испр., доп. и вновь обработ. Екатеринослав: Тип. И.Е. Коган, 1916. С. 245.

5 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLVI. Отд. I. Ст. 49615.

венные действия в порядке, установленном УУС. Примечательно, что указанный нормативный акт допускал поручение производства дознания по особенно важным политическим делам отдельным должностным лицам, «особо Высочайшей властью назначаемым» (ст. 21).

Таким образом, в законодательстве проводилась идея возложения обязанности производить дознание на самых разных субъектов в пределах их ведомства. К слову, в законодательстве Франции того времени уже были примеры возложения полицейских функций не только на жандармских офицеров и чинов военной или морской полиции, но также на французских консулов в иностранных городах [11, с. 17].

В современных условиях производство неотложных следственных действий, столь необходимое для успешного расследования преступлений, также не всегда может возлагаться на ординарные полицейские органы, поскольку таковых, в силу объективных обстоятельств, может попросту не оказаться на месте происшествия. Отсюда необходимость наделения соответствующими полномочиями командиров воинских частей, начальников российских антарктических станций, глав дипломатических представительств, консульских учреждений и др. Существенные различия в организации и ведомственной принадлежности всех этих органов и должностных лиц никак не препятствуют исполнению ими обязанностей, связанных с производством дознания по уголовным делам. Ведь даже в тех случаях, когда субъектом производства неотложных следственных действий закон называет государственный орган, следует учитывать, что как организация такой орган дознания совершать какие-либо уголовно-процессуальные действия не может, так что субъектом фактической деятельности все равно выступает начальник органа дознания [14, с. 16], дающий соответствующие поручения в порядке п. 1 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ. Следовательно, качественные (организационные) различия между субъектами, выполняющими полномочия органов дознания, не препятствуют их именованию общим термином.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сказанное свидетельствует о том, что понятие «органы дознания» используется законодателем как общий термин, которым обозначаются не только государственные органы и должностные лица, выполняющие различные уголовно-процессуальные функции, но также субъекты, вообще не являющиеся участниками уголовного судопроизводства. Этим прежде всего и объясняются аномалии правового положения органов дознания, выражающиеся в качественных различиях субъектов, выступающих в уголовном процессе в такой же роли, в отсутствии у органов дознания единого процессуального статуса и в выполнении ими разных процессуальных функций. Некоторые из перечисленных аномалий, как, например, качественные различия органов дознания, никакой проблемы ни для законодательства, ни для правоприменительной практики не представляют. Другие требуют к себе более внимательного отношения. В частности, реализация субъектами разных процессуальных функций прямо указывает на то, что они являются разными участниками уголовного процесса. Поэтому называть органами дознания лиц, выполняющих поручения о производстве следственных действий и производящих неотложные следственные действия, так же ошибочно, как отождествлять процессуальный статус судебно-медицинского эксперта, участвующего в осмотре трупа, и производящего судебную экспертизу. Однако решение этой проблемы требует значительных сил и времени, поскольку предполагает теоретическую разработку и законодательное закрепление в гл. 8 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса. Только после этого появится возможность исправить явную ошибку, заключающуюся в отнесении всех органов дознания к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Не меньше вопросов вызывает и использование в качестве «маркера» органов дознания полномочия по производству предварительного расследования в форме дознания. Однако тема эта настолько обширная, что заслуживает отдельного внимания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Мичурина. – Москва, 2008. – 61 с.
2. Цукрук М.В. Процессуальная деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.В. Цукрук. – Иркутск, 2004. – 24 с.
3. Кузембаева М.М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.М. Кузембаева. – Омск, 2006. – 22 с.
4. Сеидов М.М. Правовое обеспечение основных направлений уголовно-процессуальной деятельности органов дознания Министерства внутренних дел Российской Федерации на современном этапе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.М. Сеидов. – Волгоград, 2018. – 268 с.
5. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Изд. А.А. Карцева, 1912. – 405 с.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – 3-е изд., пересм. и доп. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. – Т. II. – 573 с.
7. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 160 с.
8. Бозров В.М. Основы теории уголовно-процессуальных функций. Общая часть : монография / В.М. Бозров. – Екатеринбург : Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. – 96 с.
9. Арестова Е.Н. Дознание в органах внутренних дел : учебник и практикум для вузов / Е.Н. Арестова, А.С. Есина, О.Е. Жамкова. – Москва : Юрайт, 2018. – 179 с.
10. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : Типография М.М. Стасюлевича, 1913. – 669 с.
11. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Часть вторая / А. Квачевский. – Санкт-Петербург : Типография Ф.С. Сушинского, 1867. – 371 с.
12. Галкин Б.А. Уголовный процесс / Б.А. Галкин, Н.Я. Калашникова. – Москва : Госюриздат, 1949. – 228 с.
13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. – Т. II. – 516 с.
14. Слифиш М.В. Уголовно-процессуальная деятельность органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации : учебное пособие / М.В. Слифиш. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 169 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, директор Института права.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Sciences (Law), Director of the Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 18.04.2023. The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 18.04.2023.

REFERENCES

1. Michurina O.V. The concept of inquiry in criminal proceedings of the Russian Federation and the problems of its implementation in the internal affairs bodies. Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2008. 61 p.
2. Tsukruk M.V. Procedural activity of inquiry bodies in Russian criminal proceedings. Cand. Diss. Thesis. Irkutsk, 2004. 24 p.
3. Kuzembaeva M.M. Functional characteristics of the activities of the interrogating officer and the inquiry body in criminal proceedings of Russia. Cand. Diss. Thesis. Omsk, 2006. 22 p.
4. Seidov M.M. Legal support of the main directions of criminal procedure activities of the inquiry bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation at the present stage. Cand. Diss. Volgograd, 2018. 268 p.
5. Viktor'sky S.I. Russian criminal procedure. 2nd ed. Moscow, A.A. Kartsev Publ., 1912. 405 p.
6. Foinitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. 3rd ed. Saint Petersburg, Senatskaya tipografiya Publ., 1910. Vol. II. 573 p.
7. Larin A.M. Investigation in a criminal case: procedural functions. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 160 p.
8. Bozrov V.M. Fundamentals of the theory of criminal procedure functions. General part. Ural State Law Academy, 2012. 96 p.
9. Arestova E.N., Esina A.S., Zhamkova O.E. Inquiry in the internal affairs bodies. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 179 p.
10. Sluchevsky V.K. Textbook of Russian criminal procedure. Judiciary – legal proceedings. 4th ed. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1913. 669 p.
11. Kvachevsky A. On criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under the Judicial Charters of 1864. Theoretical and practical guide. Part two. Saint Petersburg, F.S. Sushchinsky Publ., 1867. 371 p.
12. Galkin B.A., Kalashnikova N.Ya. Criminal procedure. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1949. 228 p.
13. Strogovich M.S. The course of the Soviet criminal procedure. Moscow, Nauka Publ., 1970. Vol. II. 516 p.
14. Slifish M.V. Criminal procedural activity of the inquiry bodies of the Armed Forces of the Russian Federation. Moscow, INFRA-M Publ., 2021. 169 p.